



DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362

Научная статья

Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

А.С. Демченко

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алматы, Аль-Фараби, 71

Настоящее исследование посвящено актуальной междисциплинарной проблеме — русскоязычию, в частности русскоязычной литературе постсоветского пространства, которая вмещает в себе «инобытие» множества этнокультур и порождает уникальные образы мира. Место культуры в привычном понимании сегодня занимает *транскультура* — пространство взаимодействия и взаимоотталкивания, переплетения, констелляции, наложения, «перетекания» культур друг в друга. У этих процессов нет и не может быть застывших, конечных форм, которые были бы определены раз и навсегда. Вот почему произведения, созданные в эстетике транскультурации, всегда уникальны, будь то художественный текст, музыкальное послание или немая арт-хаусная кинозарисовка, говорящая на языке негативного пространства кадра.

Мы полагаем, что транскультурная эпистема должна быть задействована в процессе формирования нового мышления. Человек, не обладающий развитой прагматической пресуппозицией, лишен *объяснительного знания* и становится жертвой информационного манипулирования, внедряющего в коллективное сознание модель конфронтационного восприятия Другого. В настоящей работе мы хотели бы продемонстрировать методику работы со студентами высшей школы, обозначенную нами как иммерсивное чтение. На материале творчества российских немцев (в частности, Е. Зейферт и Г. Бельгера) мы поэтапно описываем этапы погружения читателя в литературное произведение (вертикализация контекста, создание герменевтического комментария, стадии типизации и дифференциации текстов внутри избранной парадигмы, синтез) и выносим на обсуждение результаты нашей работы со студентами и докторантами России и Казахстана в рамках лекционных курсов «Литература и глобализация», «Межкультурная коммуникация в художественном измерении» (автор курсов — Бахтикиреева У.М.).

Ключевые слова: русскоязычная проза, транслингвизм, транскультурация, творчество российских немцев, иммерсивное чтение

© Валикова О.А., Демченко А.С., 2020



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.04.2020

Дата принятия к печати: 29.06.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Валикова О.А., Демченко А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 352—362. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362

Research Article

Translingual Literary Text: on Problem of Understanding

O.A. Valikova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

A.S. Demchenko

Al-Farabi Kazakh National University

71, Al-Farabi pr., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

The given study covers an actual interdisciplinary issue — Russian language, post-Soviet Russian literature in particular, that includes the “otherness” of multiple ethnic cultures and creates unique images of the world. In the modern conventional sense, culture is replaced by transculture — a space of interaction and mutual repulsion, intertwinement, constellation, overlapping, flowing of cultures into one another. These processes have no and can’t have any solidified, final forms that would be determined once and for all. Therefore, the works created in the aesthetics of transculturation are always unique, be it a literary text, a musical message or a silent arthouse short film speaking the language of negative space.

We believe that a transcultural episteme should be used in the process of new thinking formation. A person without any developed pragmatic presupposition is deprived of explanatory knowledge and becomes a victim of the information manipulation embedding a model of confrontational perception of the Other into the collective consciousness. By the given work, we would like to demonstrate a method of working with higher-school students that we called Immersion Reading. Using the works by Russian Germans (in particular, E. Seifert and G. Belger), we describe the stages of reader’s immersion into a literary work step by step (context verticalization, hermeneutic comment creation, stages of typification and differentiation of texts within a chosen paradigm, synthesis) and then bring up the results of our work with students and doctoral candidates of Russia and Kazakhstan for discussion within “Literature and Globalization”, “Intercultural Communication in Art Dimension” lecture courses (author of the courses — Bakhtikireeva, U.M.).

Key words: Russian prose, translanguism, transculturation, works by Russian Germans, immersion reading

Article history:

Received: 03.04.2020

Accepted: 29.06.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Valikova, J.A., Demchenko, A.S. 2020. "Translingual Literary Text: On Problem of Understanding". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 352—362. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362

Введение

В русле современной гносеологической доминанты в науках о языке — антропоцентризма — художественный Текст перестает быть *только* продуктом речевой деятельности, подвергаемым структурной препарации. Он превращается в зону «перекрестного опыления» множественными смыслами, в креативное поле с повышенным потенциалом к генерации новых образов мира. В особенности это касается транскультурных текстов — вне зависимости от их принадлежности к конкретному дискурсивному сектору, будь то художественная литература, элементы политической коммуникации, медиа и т.д. В аспекте би-, поли-, транслингвизма (шире — транскультурации) Текст, безусловно, становится репрезентантом нескольких культур в их взаимоналожении, взаимоотталкивании, симбиозе, подчинении, адаптации. Как отмечает У.М. Бахтикиреева, транскультурный текст — это «межкультурная коммуникация в художественном измерении», однако участниками диалога в данном случае выступают культурные и языковые идентичности автора-билингва.

Ведущие исследовательские центры мира подходят к изучению транскультурного текста с разных позиций, но актуальность самого объекта не вызывает сомнений. Транскультурный текст изучается сегодня как дидактическое средство (школа Вивиан Замэль, Массачусетский университет, исследования Розалинд Сильвестр, Университет Бэлфаст, Северная Ирландия; проекты Флорес Нельсон, Лингвистический университет, Филадельфия; работы Офелии Гарсиа и Ли Вэй и др.); как посредник в межкультурной коммуникации (Бет Сэмюэльсон, Юми Матсумото); как продукт «транслингвального воображения» (Стивен Келлман, Питер Кован, Пина Антинуччи и др.); как показатель новой дискурсивной «экологии» (например, работы Джея Джордана). Исследование «текстов культуры/транскультуры» в России также является одним из приоритетных направлений современной филологии.

Транскультура означает «новую сферу культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур» за счет преодоления «замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций» [1]. Транскультурализм/транскультуральность, в свою очередь, предполагает одновременное существование в разных культурах с сохранением отпечатков каждой из них. Результатом транскультуральности становится постепенное изменение культуры, в том числе путем гибридизации. Таким образом, транс-

культуральность, или синонимичный ему термин транскulturация, приводит к принятию различий (“reconciling differences” [2]) в связи с тем, что индивидуум выступает в роли сразу нескольких идентичностей и в одной, и в другой культуре.

Транслингвальная литература постсоветского пространства — по-прежнему необозримая terra incognita для исследователей. Тот факт, что домен русскоязычной литературы в высшей степени неоднороден по своему составу (от творчества российских немцев Поволжья до произведений «русскоязычного севера»), а русский язык оценивается писателями неоднозначно (и как коммуникативный мост, и как коммуникативное же препятствие в творчестве), перед специалистами ставятся сложные задачи, главная из которых — поиск адекватных методов описания и изучения таких текстов.

Обсуждение

Один из наиболее продуктивных подходов к проблеме был предложен У.М. Бахтиреевой, которая считает целесообразным действовать дедуктивно, переходя от изучения языкового сознания народа/народов к изучению индивидуальных особенностей творческой языковой личности [3]. Отчасти такой подход можно назвать *биорекоgnитивным*.

Биорекоgnитивная языковая личность — комплексный метод, включающий в себя этапы лингвопортретирования и систематической фиксации фактов речевой деятельности говорящего. Личность писателя-билингва исследуется с позиции его языковой биографии. Впервые в российской науке на перспективность составления и описания языковых биографий указывал Вяч. Вс. Иванов, отмечая, что стоит особо изучать языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства, а также отдельные трагические повороты языковой судьбы [2]. О важности составления речевых портретов писал и Л.П. Крысин, полагая, что они могут дать обширное представление не только об отдельной личности, но и о целой социальной структуре [4]. Известный русист Молдовы Т.П. Млечко говорит в этом случае о языковом портрете [5]. Опираясь на изложенные подходы, У.М. Бахтиреева интерпретирует языковую биографию личности как языковую онтологию — то есть иноязыковое бытие, овеществление автора в материи текста [6]. Ученый убеждена, что «осмысление и описание языковой биографии личности невозможно без обращения к лингвистическим дисциплинам (антропоцентрическая парадигма современной науки о языке) и дисциплинам из других наук (философия, история, политология, социология, психология, культурология) и др. Языковая биография конкретной личности предоставляет следующие возможности: содействовать накоплению знаний о языковом бытии би-, поли- и транслингвальных авторов; осмыслить встроенность/погруженность индивидуального маршрута языковой биографии в социальный контекст; выявить типическое через индивидуальное, а также витальность/жизнеспособность языка (русского) функционировать в качестве транснационального» [7].

Развивая тезисы ученого, отметим, что продуктивным видится и изучение автобиографического текста, иными словами, произведения, частично либо

полностью восстанавливающего судьбу автора и его окружения сквозь призму судеб его героев. Подобный текст способен предоставить богатый материал для исследования и стать ключом доступа к индивидуальному воображаемому языковой личности. Однако его изучение требует известной подготовки.

Вот уже много лет в образовательной программе кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов, а также в элективном модуле кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби читается спецкурс «Межкультурная коммуникация в художественном измерении» (автор — У.М. Бахтикиреева), цель которого — познакомить студентов с культурой — и культурами — русскоязычного художественного текста. Литературное наполнение спецкурса вариативно. Хорошо известные, классические тексты (в частности, произведения Ч. Айтматова, Ф. Искандера, О. Сулейменова, Ю. Рытхэу и др.) скомбинированы в нем с достижениями новейшей литературы (творчество российской немки Е. Зейферт, татарки Г. Яхиной, киргизки Т. Боташевой, казаха А. Жаксылыкова и др.) самых разных жанров и направлений. Мы предлагаем обозначить методику вхождения в художественный текст билингвального автора как *иммерсию (иммерсивное чтение)*, выделяя несколько этапов работы с ним: до-текстовая подготовка (вертикализация контекста, биорекострукция и лингво-портретирование), иммерсия (чтение, составление герменевтического комментария, декодирование художественных образов текста), рефлексия (диагностическая работа с аудиторией).

Для того, чтобы погружение состоялось, читатель должен быть в достаточной степени «оснащен» информативно. В этом случае действенным оказывается метод, который условно можно было бы назвать «вертикализацией контекста». Под вертикальным контекстом (И.В. Гюббенет) принято понимать всю совокупность знаний, характеризующих ту или иную эпоху.

Приступая к изучению творчества, например, российских немцев, читатель/исследователь должен в общих чертах понимать, какие исторические детерминанты определили не только художественное, но и онтологическое миро- и самоощущение авторов, чем обусловлено их «тут-бытие» и отчего оно литературно воплощено именно в *этих* образах. Так, российские немцы, расселившиеся в Нижнем Поволжье во второй половине XVIII века и получившие там Автономию (1923), из-за трагических поворотов истории были подвергнуты депортации и вынужденной ассимиляции с соседями по *неродине*, в результате которой должны были «забыть» свои имена (практика трансформации собственных имен в «русско-звучащие» была болезненна, но повсеместна, о чем пишут многие авторы, например, Г. Бельгер, Е. Зейферт, А. Шмидт и др.) и «сокрыть» свой язык во внутрисемейном, глубоко личном пространстве. Депортация привела к тому, что целый этнос в одночасье почувствовал себя детерриторизированным, отринутым от мира, «чужим» среди своих. Состояние транзитности, промежуточности, «нигде-ности» на долгое время стало основой этнического мироощущения российских немцев и до конца еще не преодолено — или непреодолимо вовсе. Все авторы сходятся в одном: российские немцы — это уникальный субэтнос, рожденный под влиянием истории. «Я по национальности российский немец. Не немец.

Я российский немец. Я считаю, что такая национальность существует» (В. Гагин). Романист И. Гергенрёдер на вопрос «Считаете ли вы российских немцев самостоятельным этносом?» отвечает: «У меня нет в этом сомнений». Вот что ответила в интервью нам литературовед, писательница Е. Зейферт: «Я — российская немка, *Russlanddeutsche*, это особое этническое ощущение» [8].

Помимо вертикального контекста необходимо наличие герменевтического комментария, объясняющего рождение тех или иных жанровых форм и образов мира. Важно учитывать, что российские немцы метафизически «стягивают» воедино материю обоих языков, а вместе с ними и ключевых образов мира. Если Германия — это «вертикаль» (высота и глубина), а Россия — горизонталь (даль и ширь), то российско-немецкое ощущение рождает *панораму* — *высоту* над *ширью*. Если ключевой концепт российской культуры — «дорога», «путь», а немецкой — «дом», то в российско-немецкой художественной реальности возникает «дорога к дому». Это лейтмотив русско-немецкой литературы, сквозные герои которой — вечные странники, путники, пилигримы (ср. название главного романа Г. Бельгера «Дом скитальца»).

Интересным, во многом продуктивным оказывается при герменевтическом анализе «наблюдение над жанром». Известно, что жанровые формы — во многом репрезентанты этноязыковой картины мира и эпохи, внутри которой они бытуют. Так, наиболее частотными для XX века в творчестве российских немцев были малые жанровые формы, такие, как песня (трудовая, элегическая, «о судьбе» и т.д.), баллада, шванк (история из жизни, случай), шпрук (назидание), хайку (лирическое трехстишие). Эти сжатые жанровые формулы были призваны вдохновлять и поддерживать, напоминать и направлять этнос на пути исторических «изломов». В XXI веке начали активироваться эпические жанры, в особенности *роман*. Литература российских немцев накопила достаточный потенциал к самоосмыслению и самоописанию, к глубокой и последовательной интроспекции в масштабах эпического раздолья.

Примечательно, что даже Е. Зейферт, известная своей поэтической привязанностью к стихотворным жанрам, начала писать знаковую для ее творчества «Карагандинскую повесть» («Плавленную лодочку»), рассказывающую о судьбах нескольких поколений руссландойче. В настоящей работе мы хотели бы остановиться на некоторых фрагментах повести, сосредоточившись на ее транслингвальной природе и автобиорекопструктивном наполнении.

Елена Ивановна Зейферт — личность-полигранист, убежденная в том, что «мертвых языков не бывает». Воспитанная в семье депортированных в Караганду российских немцев, она с детства впитывала русскую речь наряду с немецкой. К «блаженному» двуязычию позднее присоединилась и латынь. Разная природа постигаемых языков, их имманентная полярность в свойствах, структуре, общем складе актуализировались в сознании Елены Зейферт в антропоморфных образах: немецкого как языка-женщины, латыни как языка-девочки, русского как языка-мужчины.

Е. Зейферт росла на окраине Караганды в поселке российских немцев и до шести лет была убеждена, что все существительные в немецком языке начинаются с буквы “D” (особенность языков с артиклями). Ее бабушка Мария была

родом из села Гларус (Кларус), которое запечатлено в «Карагандинской повести» как утраченный оазис Гларуса, насильно отчужденный от маленькой героини по имени Марийка. Трагедию утраты дома и семьи мы впервые проживаем вместе с этой осиротевшей девочкой. Сквозь призму пластичного, отчасти мифологизированного детского восприятия автор рисует картины жизни семьи Марийки до и после депортации. Сознание девочки наполнено ассоциациями и всполохами воспоминаний. Она способна очутиться памятью как в собственном доязыковом, досознательном периоде, так и гармоничном, благоустроенном быту своего дома:

В длинный ряд стоят корзины и корзинки, в них травы и ягоды, а в некоторых, с очень плотным плетением, вода. Мама крутит ручку деревянной маслбойки, подливает сметаны в ее горло. Из дымохода пахнет копченым окороком и колбасой, там на крюках можно закоптить сразу целую свинью. Марийка своими глазами видела на чердаке коптильную камеру, она очень широкая, а снаружи выходит в узкую трубу. На лаковые дверцы шкафов в родительском доме приклеены точеные украшения. Уютно, никто не роется в кухонном буфете и сундуке.

Последнее предложение фрагмента имплицитно указывает на то, как была поругана внешним вторжением эта идиллия: пришел некто и начал рыться (без спросу и дозволения) в сердце дома — его хранилищах.

Сознание девочки противится словам матери, повторяющей, как заклинание, ее имя и имена ее родных (“*Tu pist Maria Jäckel, secks Jahre alt, di Mudr hehst Else, Vadr hehst Robert, da Brieder sin Robert un Andreas, tu pist am zweite Agust Neizehnhunnertfufuntraißig kewohre, di Heimat is s Tourf Klarus...*”). Она воспринимает себя и всех окружающих частью гонимой жестоким погонщиком *коровы*. Удивительна задействованная автором символика, проникнутая емкой интертекстуальностью. Мотив загнанной коровы напоминает нам и о жестоких скитаниях Ио, обретшей покой лишь в Египте, и о долгих странствиях Кадма и Гармонии, которых издыхающая от *усталости корова*, предреченная оракулом, привела к месту основания будущей *новой родины* — города Фивы. Скорбное путешествие Марийки в Караганду дано в тексте небольшими фрагментами, к каждому из которых автор приводит своеобразный эпиграф. Эпиграфы можно читать как отдельную повесть: 1. *Изгнанник укачивает в себе дом. Марийка течет жидкой металлической речкой.* 2. *По корове, как шершни, ползают убогие земляные духи. Солнце давит на крышу теплушки.* 3. *Корова упала на передние ноги и тужится встать. Марийка ест белый камень.* Эти «ключи» к пониманию, активно участвующие в запуске герменевтического круга, наделены в тексте большой значимостью. Первый метатекстовый комплекс указывает на мысль автора о том, что каждый человек есть носитель зародыша своего собственного дома. Утрачивая дом внешний, человек по-прежнему несет в себе дом «внутренний», которому суждено либо родиться, либо умереть — или родиться и умирать. Здесь же звучит мысль о том, что человек остается собой, лишь множество раз встречая собственные отражения в бесконечных «матрешечных блужданиях». На наш взгляд, она как нельзя более полно актуализирует идею о неразрывности расщепленного, о синтезе множественностей внутри одного человека. Эта идея очень важна для Зейферт как для носителя более чем одной культуры: «Мне свойственно не расщепление, а стяжение, синтез, игра балансов. Я — российская немка,

Russlanddeutsche, это особое этническое ощущение». Корова, символизирующая счастливое плодородие (неслучайно в культуре Древней Греции это животное — атрибут Геры, покровительствующей семье и материнству), и корова, скитающаяся без сна и отдыха в поисках пристанища, — два полярных мотива европейской мифологии, в диалектическом единстве которых всегда рождалось некое новое пространство или *качество этого пространства*. Подобные мифологические сюжеты зачастую рассказывают нам о зарождении новых миров (город Фивы) или династий (род Ио, подаривший миру величайшего из героев — Геракла), а потому обладают существенным этиологическим компонентом. Этиологию возникновения совершенного особого этноса — «российских немцев» — прослеживает в своей повести и Е. Зейферт.

В безжизненном кровавом солнце, которое (как читаем в эпитафии и далее, в самом тексте) «давит на крышу теплушки», корежится утраченный мир Гларусы. Зейферт изображает его одухотворенным и живым: никнут деревья с листьями, напоминающими растопыренные детские ладошки, рыдает река Вортуба. Автор проводит здесь прямую психологическую параллель: рыдает река, истошно кричит Марийка. Все настоящее становится бывшим, а бывшее — мифическим. Стирается память об отце, превращенном сознанием девочки в «тролля». Холодными и неживыми становятся пальцы матери. В Караганде Марийку берет к себе российская немка Лидия, и девочка принимает из ее рук «белый камень» — курт, специально засушенный кусочек соленого сыра. Архетипический мотив вкушения пищи знаменует приобщение человека к новому кругу и новому пространству. Так, вкусив пищу карагандинской земли, Марийка принимает новый дом. Но случайно ли сравнение курта (сухого круглого сыра) с *белым камнем*? В текстах Ветхого и Нового Заветов белый камень рассматривается как символ правоты, невинности или победы («...побеждающему ... дам ... белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2:17)). В художественной ситуации, созданной Зейферт, Марийка получает право на новое сокровенное имя. “Ese, Kindje. Tes is Trockekähs. Dr is lecker”. Марийка жадно лижет курт, он соленый, он вкуса ее слез. Учитывая, что героиня в данном случае — субъектное воплощение своего этноса, данное право (право на собственную уникальность, внутерриториальность, особость) символически получают и российские немцы.

В «Карагандинской повести» русский и немецкий языки не перемежаются, как зачастую случается в транслингвальном тексте. Вспомним хотя бы произведения Г.К. Бельгера, в которых триязычие (русские, казахские, немецкие слова) слиты в синтагматике речевого потока. Каждому языку в «Плавильной лодочке» отведена своя роль. Русский — язык овнешнения, событийности, сюжетной канвы. Немецкий — язык внутреннего пространства героев и их интимного общения. Двужычие, в свою очередь, единственно возможный формат реализации самой художественной «вещи». Как неоднократно подчеркивает Е. Зейферт, в этом и проявлена ее идентичность: *Russlanddeutsche* — самостоятельная, неделимая «Я». Это, по словам автора, «возможность удержаться на нескольких плотках сразу».

Заключительный этап работы с текстом — дискуссия — позволяет определить, произошло ли у адресатов (студенческой аудитории) смещение «аксиологической оси» и, если да, то какова общая тенденция в данном случае. Практика показы-

вает, что «радость узнавания» (О. Мандельштам) иной культуры, которая происходит посредством хорошо знакомого языка (русского), позитивно сказывается на обучающихся. Материал оказывается для них в необходимой степени сложным за счет включения многочисленных инокультурных «неизвестных», однако не становится непреодолимым коммуникативным препятствием, так как представлен на русском языке. Как объясняет Д. Дирксен [9. С. 95], ситуация преодолимой сложности очень благоприятна для слушателей. Они осуществляют работу над собой, продолжая находиться в приемлемых для себя условиях общего комфорта, что повышает их внутреннюю мотивацию; та, в свою очередь, способствует намеренному повторению подобных ситуаций, а повторение формирует навыки — практическое применение полученных знаний в повседневной жизни. В нашем случае толерантность — это тоже навык. А значит, преподавание русскоязычной литературы должно стать ординарным в системе высшего образования СНГ — по крайней мере, если совместное жизнеположение его народов остается нашим приоритетом.

Заключение

Русскоязычие — широкий канал доступа к национальным литературам для всех, кто владеет языком. Это энергетически незатратный (резистентность здесь не настолько значительна, как в случае с иностранным языком) способ приобщиться к инонациональным образам мира. На этом ординарность заканчивается и начинается собственно «чудо». Мы получаем возможность посмотреть на мир в новом культурном ракурсе. Наше воображаемое трансформируется и обогащается под воздействием ранее не известных форм передачи мысли. Горизонт восприятия расширяется за счет неоднократного — и множественного — приращения смыслов, интенсивной этнокультурной амплификации, которая неизбежна при вхождении в транскультурный текст. Подобный опыт взаимодействия с иными культурами (но посредством одного языка) не проходит бесследно: читатель, наученный правильно входить в хайдеггеровский «круг понимания» внутри художественного мира, постепенно переносит эту «модель вхождения» в мир реальный. Он учится понимать Другого. Словами Н.Л. Лейдермана, происходит воспитание «личности с широким взглядом на мир».

Такое воспитание не должно быть пунктирным или хаотичным. Его необходимо сделать систематическим и последовательным. Почему вопрос стоит о необходимости? Потому что недостаток понимания, спровоцированный, в свою очередь, недостатком первичного знания, может привести к настоящей коммуникативной катастрофе. Наше общество со всех сторон атаковано информацией. Колоссальность информационных массивов, умноженная на многократно увеличенный темп жизни Человека Воспринимающего, создает у индивидуума иллюзию широкого выбора, но при этом требует от него значительных сокращений мыслительных усилий. «Языковая личность в темпе» не имеет возможности качественной проработки своего пресуппозиционного «фонда», а потому зачастую реагирует на внешние импульсы шаблонно и схематично, становясь *victim flexibus* — жертвой манипуляции. Мы часто упускаем из вида, что норма — язы-

ковая и ценностная, культурная и поведенческая — весьма относительна, а потому воспринимаем «непохожесть» на себя заведомо конфронтационно. «Архетип “Свой vs Чужой” всегда интерпретируется в аксиологическом плане как “хорошее vs плохое”, причем свое — это хорошее, а чужое — это плохое, потому что чуждость отрицательна уже потому, что она чужая». Мы можем научиться обходить подобные ментальные ловушки, и русскоязычная литература — топос встречи языков и культур — способна оказать нам в этом неоценимую помощь.

Как показали новейшие исследования, аффективность литературного произведения приближена к аффективности мифа. Исследователи А. Кузмицова и А. Анген установили прямую корреляцию между чтением художественного произведения и эмпатией [10]. Их эксперимент показал, что «стилистический нативизм» вызывает в читателях намного больший эмпатический отклик, чем стилизация как художественный прием. Это в свое время отметил еще Н.Л. Лейдерман, утверждавший, что органичный мифологизм «певцов Севера», ставший частью духовного пространства их героев, обнажает искусственность мифологизма многих русских романов. Таким образом, по нашему убеждению, русскоязычная литература несет в себе огромный эмпатический заряд, крайне необходимый нашей стране для мирного и успешного существования.

Список литературы

1. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта, 2016.
2. *Guilherme M.* Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities” // *Journal of Multicultural Discourses* 10(1). Pp. 1–21.
3. Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П. От изучения содержания языкового сознания народа до изучения индивидуальных особенностей отдельной языковой личности // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 28. С. 56–63.
4. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
5. Крысин Л.П. Можно ли по речи узнать интеллигента? // Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: Флинта, 2015.
6. Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013.
7. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. № 2 (50). 2016. С. 76–80.
8. *Seifert E.* “In a doublesharp Language”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. Vol. 14. Issue 1, pp 122–139, 2017.
9. Дирксен Дж. Искусство обучать. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2017.
10. *Kuzmicova A., Mangan A., Stole H., Begnum A.C.* Literature and readers’ empathy: A qualitative text manipulation study. *Language and Literature*. Vol. 26. Issue: 2, pp. 137–152, 2017.

References

1. Zhukova, I.N., Lebed’ko M.G., and Z.G. Proshina. 2016. *Cross-Cultural Communication Dictionary*, Moscow: Flinta. Print. (In Russ.).
2. *Guilherme, M.* 2015. “Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities”. *Journal of Multicultural Discourses* 10(1): 1–21.

3. Bakhtikireeva, U.M., and V.P. Sinyachkin. 2016. "From the study of the linguistic consciousness of the people to the study of the individual characteristics of the language personality". *Psycholinguistics Journal* 2: 56—63.
4. Ivanov, V.V. 2004. *Linguistics of the Third Millennium: Issues for the Future*. Moscow: Studia Philologica. Print. (In Russ.).
5. Krysin, L.P. 2015. Is it possible to recognize an intellectual by speech? In *Articles about the Russian language and Russian linguists*. Moscow: Flinta. Print. (In Russ.).
6. Mlechko, T.P. 2013. *Russian language personality of the near abroad*. Chisinau: Slavic University of the Republic of Moldova. Print. (In Russ.).
7. Bakhtikireeva, U.M. 2016. "On Translingualism and Transculturation trough One Language Biography". *The Humanities and Social Studies in the Far East* 2 (50): 76—80.
8. Seifert, E. 2017. "In a doublesharp Language", *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (1): 122—139.
9. Dirksen, J. 2017. *Design for How People Learn*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber. Print. (In Russ.)
10. Kuzmicova, A., Mangel A., H. Stole, and Begnum A.C. 2017. "Literature and readers' empathy: A qualitative text manipulation study. *Language and Literature* 26 (2): 137—152.

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Демченко Алена Сергеевна — PhD в области филологии, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: alenchika@mail.ru

Bio Notes:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Alena S. Demchenko is a PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: alenchika@mail.ru